

БИОГРАФИИ / БЕЗ ГРАНИЦ

Paolo Nori

Vi avverto che vivo per l'ultima volta:

Noi e Anna Achmatova

Паоло Нори

Невероятная жизнь

Анны Ахматовой

Мы и Анна Ахматова

Перевод с итальянского: Виктория Крапива

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)
Н82

Paolo Nori
VI AVVERTO CHE VIVO PER L'ULTIMA VOLTA:
NOI E ANNA ACHMATOVA

Перевод с итальянского:
Виктория Крапива

Серийное оформление и дизайн обложки:
Юлия Межова

*В оформлении обложки использована афиша музея
Анны Ахматовой в Фонтанном Доме*

*Для дизайна афиши использована фотография
Анны Ахматовой*

Фотограф: Моисей Наппельбаум

*Русское издание повторяет обложку оригинального
итальянского издания*

ISBN 978-5-17-157615-8

© 2023 Mondadori Libri S.p.A., Milano
© Виктория Крапива, перевод, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

От автора

Я очень рад, что мой роман об Анне Ахматовой опубликован на русском языке, и хочу сказать издательству «АСТ», что своим решением купить права на эту книгу они делают давнего поклонника русской литературы настолько счастливым, что он даже не может сказать, насколько.

Однако я хочу, чтобы русские читатели знали, что версия, которую они найдут здесь, не идентична оригиналу.

Есть вещи, которые, в соответствии с российским законодательством, не могут быть опубликованы в том виде, в каком я их написал.

Будьте здоровы!

Паоло Нори

Болонья, 22 июня 2024 года

Мы, поэты, люди голые, у нас всё видно,
поэтому нам надо позаботиться о том,
чтобы мы выглядели пристойно.

АННА АХМАТОВА

Предисловие

Она

Переводчица Ангелина Щекин-Кротова вспоминала, как в 1956 году вместе с мужем, художником Робертом Фальком, она отправилась на празднование шестидесятипятого юбилея писателя Ильи Эренбурга, автора повести «Оттепель» (давшей название тому историческому периоду, который Советский Союз как раз переживал в пятьдесят шестом).

«Была масса народа, так что для мужчин даже не хватало стульев, — рассказывала она, — сидели только женщины или же мужчины постарше. Некуда было класть шапки и шубы. Какая-то такая была толкотня невероятная, как будто бы в часы пик в метро, представляете?»

С трудом можно было пробраться к каким-то закускам и винам. Я помню, Тышлер [тоже художник] утащил себе три бутылки и блаженствовал, сидел в уголке (*смеется*). Вдруг раздался какой-то шорох,

и вошла в кабинет (я была в кабинете и Фальк тоже) Анна Ахматова. В черном платье, со своими серебряными волосами.

И вдруг в комнате стало просторно — в этой тесной комнате. Все встали и тихо ее приветствовали, и она, как царица такая, знаете, поклонилась и вышла в другую комнату».

Анна

1.1. Старики

Мне нравится, как разговаривают старики.

Точнее сказать, мне нравилось, как разговаривали старики во времена моей юности.

Мне нравилось слушать, как говорит моя бабушка Кармела.

Когда она с кем-то беседовала, вернее, когда на людях ее вдруг одолевало желание высказаться, бабушка Кармела начинала говорить таким внушительным тоном, которого я не замечал даже у себя.

И этот ее внушительный тон, на мой взгляд, мог бы многое о ней рассказать.

Например, о том, что бабушка Кармела — шестнадцатый ребенок в семье издольщиков¹, у которых было семнадцать сыновей и дочерей.

Что она закончила три класса и пошла работать — с одиннадцати лет прислуживала в генеральском доме в Парме.

¹ Издольщина — вид аренды земли, при котором собственник земли взимает плату долей урожая. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания переводчика.)

Помню ее слова: «Паоло, у нас дома было хоть шаром покати, а, когда кончались деньги, мы устраивали себе праздник».

Этот тон говорил о том, что она вырвалась из нищего детства.

Что она своими руками, своим трудом, всей жизнью заслужила право иметь собственный голос, как и любой другой человек.

Этот тон утверждал: «Вот она я, видишь? Я тоже имею право быть здесь, верно? Как и ты».

Больше ни у кого, никогда в жизни я не слышал такого внушительного голоса, как у моей бабушки.

Нечто похожее я нашел только в литературе — и это был голос Анны Ахматовой.

Между Ахматовой и моей бабушкой не было ничего общего.

Но это явления одного порядка.

1.2. Холод

Известный русский писатель Венедикт Ерофеев считал: «Как бы ни было, грамотному русскому человеку — это я знаю определенно — было б холоднее и пустынее на свете, если б поэзия Иосифа Бродского по какой-нибудь причине не существовала».

Иосиф Бродский, родившийся в Ленинграде в 1940 году и удостоенный в 1987 году Нобелевской премии по литературе, однажды сказал: «Всё, касающееся Ахматовой, — это часть жизни, а говорить о жизни — все равно что кошке ловить свой хвост. Невыносимо трудно. Одно скажу: всякая встреча с Ахматовой была для меня довольно-таки замечательным переживанием. Когда физиче-

ски ощущаешь, что имеешь дело с человеком лучшим, нежели ты. Гораздо лучшим. С человеком, который одной интонацией своей тебя преображает. И Ахматова уже одним только тоном голоса или поворотом головы превращала вас в гомо сапиенс».

1.3. Означающее

Если бы меня спросили, что я усвоил за годы учебы в университете, первым делом я упомянул бы понятия «означающего» и «означаемого», которые, в моем понимании, сводятся к звучанию и смыслу. И они взаимообусловлены. Еще я понял, что никаких синонимичных понятий не существует, и мысль, высказанная иначе, это уже другая мысль.

И что, как ни странно, даже означающее само по себе без означаемого может оказывать очень глубокое воздействие.

Однажды в 1989 году, когда мы сидели на первом этаже в одной из аудиторий филологического департамента Пармского университета на бульваре Сан-Микеле, профессор Сиклари прочитала нам стихотворение Анны Ахматовой в оригинале. Изучать русский язык я начал совсем недавно и не понимал ни слова. Однако эффект от чтения был: пока лились эти звуки, это означающее, лишенное для меня всякого смысла, мне показалось, что наша аудитория окрасилась в цвет неба и все вдруг стало просто и ясно. Я больше не сомневался: изучению русского языка я посвящу остаток своей жизни.

1.4. Означаемое

Последняя на сегодня книга, которая у меня вышла, посвящена Достоевскому. Это роман, сюжетный каркас которого основан на биографии Фёдора Михайловича Достоевского и который называется «Невероятная жизнь Фёдора Михайловича Достоевского. Всё ещё кровоточит».

На презентации книги я сказал, что не знаю, удалась она мне или нет, но ее название, на мой взгляд, абсолютно оправдано: о жизни Фёдора Михайловича Достоевского стоило бы рассказать, даже если бы он не был одним из величайших писателей всех времен.

Но он *был* одним из величайших писателей всех времен, и, как следствие, из его произведений мы узнаем много важного о нем самом, о мире и о нас, и, если бы он стал не писателем, а военным инженером, мы знали бы намного меньше о нем, о мире и о себе.

Книга, которую вы держите в руках, называется «Но я предупреждаю вас, что я живу в последний раз» с подзаголовком «Мы и Анна Ахматова»¹. Рассказать об Ахматовой мне захотелось по той же причине.

Анна Ахматова — тоже один из величайших поэтов всех времен, и я уверен, что она тоже прожила невероятную жизнь, которая заслуживает отдельного рассказа независимо от того, была ли она одним из величайших поэтов всех времен.

¹ «*Vi avverto che vivo per l'ultima volta: Noi e Anna Achmatova*» — оригинальное название книги, впервые опубликованной в издательстве «Мондадори». Издание на русском языке выходит под названием «Невероятная жизнь Анны Ахматовой. Мы и Анна Ахматова».

Произведения Ахматовой, одного из величайших поэтов, рассказывают нам много важнейших вещей о ней, о мире и о нас, и, если бы она стала не поэтом, а инженером-механиком (как ее отец) или военным инженером (как Достоевский), мы знали бы гораздо меньше о ней, о мире и о себе.

Однако с произведениями Ахматовой, в отличие от произведений Достоевского, есть одна сложность.

1.5. Непромокаемый плащ

Я вспоминаю фильм Джима Джармуша «Патерсон», рассказывающий о водителе автобуса по фамилии Патерсон, который живет в городке под названием Патерсон. Он обожает поэзию, читает стихи и сам их пишет, а в конце фильма встречает любителя поэзии из Японии и спрашивает, как тот читает стихи американских поэтов — на английском или в переводе, на что японец отвечает: «Читать стихи в переводе — все равно что принимать душ в непромокаемом плаще».

В этом и состоит трудность: читатели этого романа в каком-то смысле принимают душ в плаще.

Но, может, это не так уж важно: мне кажется, в поэзии Анны Ахматовой дождь льет с такой силой, что промокнет даже непромокаемый плащ.

1.6. Ты чей будешь?

Любители поэзии в Италии Анну Ахматову знают, но, так сказать, рядовому читателю она известна

мало (если он вообще существует, этот рядовой читатель).

То есть Ахматова известна не так, как Толстой или Достоевский, и даже не так, как Пушкин, Гоголь, Тургенев или Булгаков.

Гораздо меньше.

К примеру, когда я начал писать эту книгу, один мой друг спросил: «Ахматова? А за кем она была замужем?»

Этот вопрос напомнил мне один случай, который произошел со мной в детстве в поселке Базиликанове, на родине моего дедушки. Однажды местный житель, встретив меня на улице, спросил: «А ты чей будешь?»

Вопрос поставил меня в тупик — мне всегда казалось, что я ничей.

А уж Ахматова, я полагаю, тем более не была ничьей женой.

То есть она, конечно, была замужем, но не столько она была женой этих мужчин, сколько они — ее мужьями, потому что Ахматова была явлением уникальным.

В Парме, когда хотят сделать комплимент красивой женщине, говорят: «Она ручной работы». Это относится и к Ахматовой: она сама, как и ее жизнь, были «ручной работы».

1.7. Нечто невероятное

Павел Фокин составил биографию Анны Ахматовой полностью из воспоминаний людей, которые ее знали. Его книга называется «Ахматова без глянца», то есть Ахматова без прикрас.

Во вступительном слове он пишет: «Она — частный человек, беспартийный, лирический поэт, одинокая женщина, не умеющая без посторонней помощи включить газовую конфорку, — трижды была предметом обсуждения и осуждения Центрального комитета правящей партии.

Три запретительных постановления ЦК ВКП (большевиков)! Можно подумать, у большевиков других забот не было: что там ГОЭЛРО, ликбез, внутривластная оппозиция, индустриализация, коллективизация, война с фашистской Германией, восстановление страны!

Вот Ахматова — это да, пострашнее Антанты и Гитлера, Троцкого и Бухарина. Без каких-либо усилий со стороны Ахматовой большевики сами признали за ней статус равноправного и равносильного противника, вручили ей (трижды!) властный мандат, жалованную грамоту, или, как там говорили татарские предки поэта, ярлык на княжение.

Факт, достойный удивления потомков».

1.8. Красавицей она не была

Поэт и литературовед Георгий Адамович писал в 1970-е годы: «Анна Андреевна поразила меня своей внешностью. Теперь, в воспоминаниях о ней, ее иногда называют красавицей: нет, красавицей она не была. Но она была больше, чем красавица, лучше, чем красавица. Никогда не приходилось мне видеть женщину, лицо и весь облик которой повсюду, среди любых красавиц, выделялся бы своей выразительностью, неподдельной одухотворенностью, чем-то сразу приковывавшим внимание».